

Триумфальное шествие книгопечатания по Европе знаменует глубочайший переворот во всех областях культуры. Книга, бывшая раньше доступной вследствие своей дороговизны лишь немногим представителям церкви или феодальной верхушки, становится доступной значительно более широким массам городских жителей, а иногда, в виде небольших листовок, например, манифестов восставших крестьян Германии 1525 г., проникает и в крестьянскую среду. Всякая новая, свежая мысль, всякое открытие распространяется благодаря книге чрезвычайно быстро и широко. Печать становится грозной силой, навещающей страх на всех представителей феодального мира, в первую очередь — на католическую церковь.

§ 2

Борьба феодального и буржуазного начала в произведениях раннего Ренессанса. Петрарка и Боккаччо. Новое отношение к человеку и миру у первых гуманистов. Флорентийский центр гуманизма. «Платоновская академия» и Марсилио Фичино. Леон-Баттиста Альберти. Римский центр гуманизма. Неаполитанский центр. Гуманистическое воспитание. Гуарини да Верона и Витторино да Фельтре. Поэзия Ренессанса (Лоренцо Медичи, Пульчи, Бойярдо, Ариосто). Политические учения Ренессанса (Макиавелли). Ученые-естествоиспытатели (Леонардо да Винчи). Гуманизм в Германии: Эразм, Рейхлин и Гуттен. Реформация. Мартин Лютер. Крестьянская война и плебейский революционер Томас Мюнцер. Культурное значение Реформации и крестьянской войны. Французское Возрождение, его особенности; его ранние представители: Доль, дю Перрье, Лефевр д'Этапль. Идеи и деятельность Кальвина. Поэзия и литература французского Возрождения: Клеман Маро, Раблэ. Гуманизм в Англии. Томас Мор и его «Утопия».

Мы видели выше, что городская культура, с самого возникновения городов как самостоятельных социально-экономических и политических центров, вносила в феодальную культуру ноты критики, насмешки, иногда прямого протеста против освящавшихся церковью феодальных порядков. В Италии эти антифеодальные ноты начинают звучать особенно громко и определенно. Новые стремления, чаяния, вкусы проявляются даже помимо воли того или иного автора в произведениях, по своему заданию чисто средневековых, иногда воинствующе средневековых, как, например, в «Божественной комедии» Данте.

Та же борьба, которая в скрытой форме характеризует собой творчество Данте, открыто выступает перед нами в произведениях двух итальянских писателей, начинающих собою то идеологическое движение, которое обычно называют «гуманизмом» (лат. *humanus*, «человеческий»). Писатели эти — Петрарка и Боккаччо — стоят у истоков всей новой литературы.

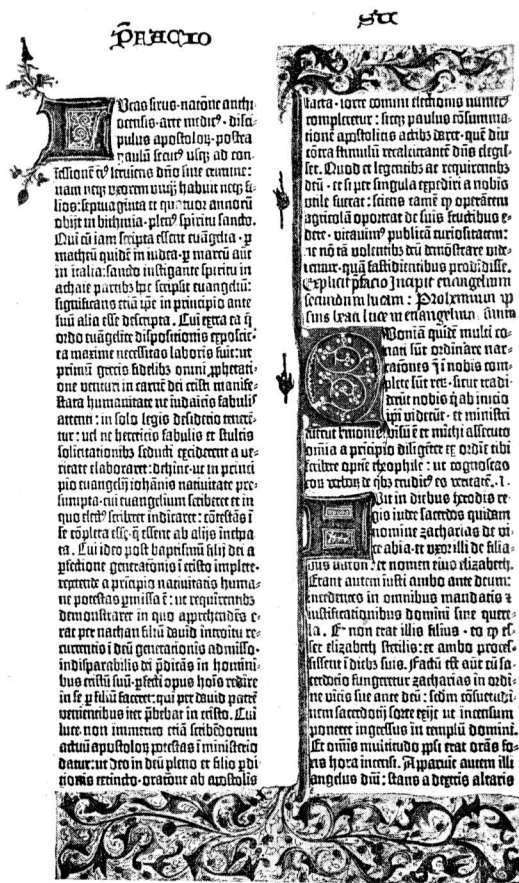
Франческо Петрарка (1304—1374), сын флорентийского нотариуса, первую половину своей жизни провел при папском дворе в Авиньоне, где он написал свой «Песенник» (*Canzoniere*) — цикл итальянских стихов, посвященный пламенной любви поэта к некоей Лауре. Это не только важнейшее произведение Петрарки, но и одно из важнейших в развитии западноевропейской литературы. Глубокое, истинное чувство, не затемненное никакими условностями и абстракциями, но и не уклоняющееся в грубый натурализм, так пронизывает стихотворения этого сборника, что они и до настоящего времени не могут не вызвать волнения; для современников же они явились настоящим откровением. Однако своей громадной славой у современников Петрарка был обязан отнюдь не своей любовной лирике, а своим произведениям на латинском языке, в первую очередь длинной и чрезвычайно скучной поэме «Африка», посвященной подвигам Сципиона Африканского. Славилась также его исторические компиляции «О знаменитых мужах» и «Книга о памятных делах», а также

«философски - религиозные работы — «Об одинокой жизни» и пр. Большое впечатление на современников производил духовный облик самого писателя. Индивидуалист и оригинал, скептически относящийся к основным вопросам, волновавшим его литературных предшественников, Петрарка выдвигает целую систему новых идеалов. Он рассматривает человека не только как объект борьбы между богом и дьяволом, но как живую, индивидуальную человеческую личность со всеми ее реальными чертами, отнюдь не всегда положительными. Он видит и глубоко чувствует природу — не условную, прилизанную природу средневековой лирики, а живую, красочную, индивидуальную.

Но, выдвигая новую систему идеалов, Петрарка, как человек, еще стоящий одной ногой на почве средневековья, чувствует необходимость опереться для обоснования этой системы на какой-нибудь непререкаемый авторитет. Таким авторитетом является для него античность. Античная литература, искусство, наука, никогда полностью не исчезавшие из обихода средневековой Италии, теперь становятся под пером Петрарки объектом некоего культа. Он собирает списки древних римских произведений, открывает новые, восстанавливает тексты, комментирует их. Особенно интересует его Цицерон, язык которого становится образцом для Петрарки, делающего колоссальные успехи в улучшении «испорченной» средневековым латыни. Термин «древний» становится для него синонимом всего совершенного, прекрасного.

Младший современник Петрарки, Джованни Боккаччо, сын флорентийского купца, родился в 1313 г. в Париже. Посланный для обучения купеческому делу в Неаполь, Боккаччо формируется как человек и писатель при пышном и распущенном дворе короля Роберта. Наиболее значительным произведением раннего периода его творчества является прозаическая повесть «Фьяметта», написанная в форме исповеди любящей и покинутой женщины. Эта повесть не без основания считается родоначальницей современного романа. Около 1340 г. Боккаччо покинул Неаполь и вторую половину своей жизни провел частью во Франции, частью странствовал по Италии. В это время им написаны: сатира на женщин — «Корбаччо» («Ворон»), биография Данте и «Декамерон».

«Декамерон» (греческое слово, по-русски — «Десятидневник») — это собрание ста новелл, которые в течение десяти дней рассказывают друг другу семь флорентийских девушек и трое юношей, удалившихся во время

Латинская библия Гутенберга в 42 строки. 1455 г.

чумы 1348 г. в одну из загородных вилл. Эти новеллы отличаются исключительной яркостью и живостью изложения, а в отношении языка, богатого, гибкого и красочного, принадлежат к лучшим памятникам итальянской прозы. Во многих из этих новелл Боккаччо выступает против остатков ненавистной ему феодальной идеологии и, в первую очередь, против церкви и ее развращенных служителей. Идеалом «Декамерона» является свободная, не связанная никакими церковными предрассудками, сильная и разумная человеческая личность, — качества, требовавшиеся для преуспевания богатого флорентийского буржуа. Характерна в этом отношении новелла, в которой юноша уговаривает замужнюю женщину согласиться на его домогательства, рассказывая ей о мучениях, которыми на том свете наказываются женщины, не ответившие взаимностью на любовь. Вся система средневековых идеалов, система еще столь убедительная для Данте, поставлена здесь на голову. Впрочем, смелое отрицание средневековых идеалов, делающее «Декамерон» знаменем новой литературы, не было для Боккаччо символом веры в продолжение всей его жизни; к старости он сам испугался смелости своих взглядов и перешел к созданию объемистых и скучных компилятивных сочинений на латинском языке.

Петрарка и Боккаччо определили дальнейшие пути развития литературы и сыграли громадную роль в формировании гуманизма. В центре внимания становится человек, индивидуальная человеческая личность, в то время как в центре средневекового, церковного мировоззрения стоял бог и божья благодать. Человек, его физическая и духовная организация, его стремления, наклонности и вкусы — вот что в первую очередь интересует гуманистов, верных выразителей чаяний новых, буржуазных слоев передовых итальянских городов. Обосновывая и развивая это новое отношение к человеку и окружающему его миру, гуманисты ссылаются на античность, как на непререкаемый идеал. Увлекаясь античностью, изучая ее, гуманисты считают себя возобновителями, возродителями того, что было в пренебрежении в течение всего мрачного периода средневековья. Отсюда и самый термин «Возрождение», под которым подразумевается возрождение классической древности.

Важнейшим центром гуманизма становится наиболее передовой город Европы, родина Петрарки и Боккаччо — Флоренция. Здесь выступают младшие современники первых гуманистов, здесь же вырастает второе поколение гуманистов: ученый собиратель античных памятников и рукописей Никколи, поэт, философ и историк Леонардо Бруни, новеллист, философ и историк Поджио Браччиолини. Все они являются в первую очередь специалистами по изучению и интерпретации античности. Все, что расходится с античностью, для них является неприемлемым, варварским. Недаром в одном из первых программных произведений этой группы, в «Диалогах к Петру Гистрию» Леонардо Бруни, один из собеседников выступает с решительным осуждением отцов гуманизма — Данте, Петрарки и Боккаччо, обвиняя их в недостаточном знании античности, ошибках в латинском языке и заключая свою речь следующими словами: «О несчастные, какой мрак вас ослепляет! Я же, клянусь Геркулесом, предпочитаю одно письмо Цицерона и одну песнь Вергилия всем вашим писаниям».

Так изучение античности, бывшее средством утверждения новой идеологической системы, нередко под пером гуманистов второго поколения превращается в самоцель. Однако даже и в таком утрированном виде гуманистическая литература дала немало ценного и прогрессивного.

Гуманисты-историки — Леонардо Бруни, Поджио Браччиолини и др. — в своих произведениях по истории Флоренции отказываются от средневековых принципов церковной анналистики, регистрирующей отдельные события вне зависимости от их значимости и освещающей их с богословской точки зрения. Опираясь на римских историков, особенно Тита Ли-

вия, они пытаются излагать важнейшее и делают первые шаги в направлении выяснения закономерности исторического процесса. Гуманисты-философы пытаются достичь синтеза между христианской религией и философскими учениями античности, в первую очередь учениями Аристотеля и Платона. Особенно активным в этом направлении было научно-философское сообщество, получившее название «Платоновской Академии». Руководитель Академии Марсилио Фичино, блестящий знаток и переводчик Платона, дал своему основному произведению характерное название: «Платоновское богословие».

Гуманизм в центре своего внимания ставил вопросы общественных наук, но в связи с бурно развивающейся техникой отдельные его представители начинают заниматься и вопросами точных и естественных наук. Наиболее крупным из гуманистов этого типа является писатель и архитектор Леон Баттиста Альберти, автор трактата «Десять книг об архитектуре», в котором он, опираясь на античных авторов, особенно на Витрувия, пытается дать современникам энциклопедию строительного дела.

Гуманистическое движение быстро распространилось по всей Италии, образуя ряд местных гуманистических школ, самыми значительными из которых, после Флоренции, были школы римская и неаполитанская. В Риме гуманистическое движение группируется вокруг папского престола. В римском гуманизме наметились два направления. Первое, естественно связанное с самим характером Рима, может быть названо археологическим и филологическим. Второе определялось критическим отношением к папскому престолу, на котором отнюдь не всегда сидели гуманисты. Главной этого направления был фанатический поклонник античности и республиканец Помпоний Лета. В писаниях представителей этой группы мы встречаем определенные атеистические ноты, требование отказа от церковного авторитета, требование экспериментального изучения природы и, наконец, восхваление революционных выступлений против существующих порядков. В результате сделался неизбежным конфликт между группой Помпония Лета и папским престолом, закончившийся бегством части гуманистов из Рима и временным арестом остальных.

Идейно во многих отношениях был близок к этой группе Лоренцо Валла. Сын скромного и безвестного юриста, Валла учился в Риме и, вероятно, во Флоренции, где усвоил гуманистические интересы и увлекся изучением классического латинского языка. Получив затем место преподавателя в Павийском университете, Лоренцо занялся философскими вопросами и выпустил диалог «Об истинном благе», являющийся как бы манифестом всего гуманистического движения. Три главных собеседника диалога, виднейшие гуманисты, защищают: один — учение стоиков, второй — эпикурейцев и третий — христианства. В споре побеждает, конечно, христианская точка зрения, но страстное убеждение, с которым изложено эпикурейское учение, особенно его материалистическая основа и уступки, которые защитник христианства делает эпикурейцу, ясно показывают, что истинные симпатии автора лежат именно здесь. С 1435 г. Валла работает в Неаполе, где он выпускает ряд философских и филологических трактатов, далее, полемическое, антицерковное рассуждение «О занятиях монахов» и, наконец, разоблачение знаменитой фальшивки, на которой основывались претензии пап на светскую власть — так называемого «Константинова дара». Последнее сочинение вызвало бурю восторгов в гуманистическом мире и бурю негодования в лагере церковном, который добился обвинения Валла в ереси. Характерно, что это не помешало Валле перейти впоследствии на службу в Рим, где при папском дворе он провел последние годы своей жизни.

Гуманисты не ограничились одной литературной деятельностью, они оказали также большое влияние на выработку новой системы воспитания

человека. Старое воспитание, находившееся целиком в руках церкви, не было приемлемо для крупных торговцев, ростовщиков, предпринимателей и связанных с ними аристократов. Из среды гуманистов выдвинулись педагоги, создавшие свои системы нового, чисто светского воспитания. Наиболее крупными из этих педагогов были Гуарино да Верона и Витторино да Фельтре, основатели и руководители учебных заведений аристократического типа. Гармоническое развитие человеческой личности — таково задание созданной ими новой школы, но личности не любой, а только вышедшей из тонкого слоя правящего класса или предназначенной для его обслуживания. Выходцу из народа нет места в гуманистической школе. Для достижения своей цели воспитатели отказываются от ханжеской и чисто книжной системы воспитания церковной школы, широко вводят в обучение физическую культуру, спорт, игры, приучают учащегося к природе, любви к ней. Недаром школа, основанная Витторино да Фельтре в Мантуе, носила название «Дома радости».

Гуманизм, ставивший себе целью, на первых порах, возрождение античных традиций и латинского литературного языка, привел к развитию и национальных языков и литературы. После больших достижений первых гуманистов в области развития итальянской литературы во второй половине XV в. итальянская литература снова выдвигает ряд крупных поэтов. При дворе жадного, жестокого и энергичного тирана Флоренции Лоренцо Медичи расцветает лирика, виднейшим представителем которой был сам Лоренцо Медичи.

Вторая половина XV в. — время начинающегося упадка Италии. Промышленное производство сокращается, торговые пути запираются неуслонно наступающими турками, начинается и затем идет быстрыми шагами процесс вторичной феодализации. Поэзия Лоренцо Медичи и его круга отражает этот надвигающийся кризис. При кажущемся полном отсутствии «политики» в ее содержании, она насквозь политична. Ее цель — отвлечь от политики начинающие разбираться в происходящем кризисе народные массы, нарисовать яркими красками идеал бездумного, легкого, чувственного развлечения. Припев одной из карнавальных песен, написанных Лоренцо Медичи, в короткой формуле отражает всю идеологическую направленность этой поэзии:

О, как молодость прекрасна,
Но мгновенна; пой же, смейся!
Счастлив будь, кто счастья хочет,
И на завтра не надейся!

К последним годам XV в., в связи с надвигающейся феодальной реакцией, в итальянской поэзии появляется направление, пытающееся воскресить полузабытые сюжеты рыцарских романов. Первоначально это воскрешение феодально-рыцарской тематики носит несколько насмешливый, сатирический характер, как, например, в рыцарской поэме Луиджи Пульчи — «Великан Морганте». Однако почти одновременно в рыцарской поэме феррарского феодала графа Маттео Бойярдо «Влюбленный Роланд» мы находим уже серьезное отношение к фантастическим приключениям рыцарей, а в появившейся в 1516 г. поэме Лодовико Ариосто «Неистовый Роланд» рыцарская поэзия достигает своего апогея. Последняя поэма воспекает подвиги легендарных рыцарей, перемежая рассказы о поединках и сражениях легкими и циническими рассуждениями о жизни и современных событиях.

Обостренная борьба классов в Италии XV—XVI вв. и сложная внешнеполитическая обстановка содействовали развитию политической жизни и выдвинули ряд крупнейших политиков и ученых. Самыми значительными из них являются политический писатель Николо Макиавелли и

великий мастер живописи и в то же время ученый-естествоиспытатель Леонардо да Винчи.

Макиавелли (1469—1527) был крупнейшим политическим писателем современной ему эпохи. В своей работе «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» он выявляет себя сторонником ограниченной монархии, в которой народ имел бы возможность через своих представителей (подобно плебейским трибунам в древнем Риме) сдерживать своеволие монарха и доводить до его сведения о своем отношении к тем или иным мероприятиям государственной власти. В дальнейшем Макиавелли меняет свои убеждения и в ученом трактате о «Князе» высказывается за тиранию, так как считает необходимым для Италии иметь сильного единоличного государя—тирана. Строя свои политические рассуждения на анализе обширного фактического материала, заимствованного им отчасти из античной литературы, главным же образом из непосредственных наблюдений над современной ему действительностью и из личного богатого опыта дипломатической работы, Макиавелли вносит много новых элементов в науку о государстве и в историческую науку. Так, историю он рассматривает не как нагромождение отдельных, не связанных между собою фактов, а как процесс закономерного развития, в основе которого лежит социальная борьба. Явлениям социальной жизни Макиавелли уделяет в своих работах исключительно большое внимание и даже довольно близко подходит к пониманию борьбы классов, хотя отчетливо сформулировать это представление он был не в состоянии. Отдельные, рассыпанные в работах Макиавелли замечания отличаются меткостью и обличают в авторе незаурядный ум и наблюдательность, но политические приемы, которые он рекомендует правителям своей страны, навсегда сделали его имя символом политического вероломства и беспринципности. Отсюда понятие *макиавеллизма*, которое употребляется для обозначения беспринципной, безнравственной, ни перед чем не останавливающейся политики. Политическое учение Макиавелли было показателем глубокого политического и морального кризиса господствующего класса в Северной Италии в XV в.

Классовая борьба той эпохи рождала не только беспринципных политиканов типа Макиавелли, — она создала также немало подлинных борцов за новую культуру.

Первым среди этих борцов за новую культуру Энгельс называет Леонардо да Винчи (1452—1519), бывшего не только крупнейшим художником, но и ученым. Получив скромное ремесленное образование, Леонардо с молодых лет занялся техникой, к проблемам которой он подходил с исключительной смелостью и оригинальностью. Он рано пришел к выводу, что без теоретической базы коренная перестройка техники невозможна. Используя научное наследие античности и средних веков, он в бесчисленных экспериментах проверяет выводы, даваемые старой наукой, и тем впервые делает эксперимент основой научного познания, создает науку, направленную к технике, и технику, основанную на науке. Правда, Леонардо не удалось закончить ни одного из своих научных произведений, но его поистине героическая попытка указывала пути, по которым должна была пойти и действительно пошла наука и техника в их дальнейшем развитии.

Италия была настолько тесно связана с рядом других стран в коммерческом и культурном отношении, что новая идеологическая система, выработанная на ее почве, неизбежно должна была получить распространение во всей Западной Европе. К тому же и местные условия всюду становились такими, что настоятельно требовали пересмотра старого культурного наследия. Городские буржуазные круги и в других странах приобретают все большее значение, феодалы либо разоряются и вырождаются, либо принуждены перестраиваться. Процесс разложения феодальной си-

Петрарка. Рисунок пером его друга Ломбарде делла Сала

стьяна Брандта «Корабль дураков». Уже в этом произведении проявляется религиозная направленность, свойственная всему движению. Ставя своей задачей очищение церкви от разъедающих ее пороков и бедствий, Брандт дает широкую и красочную картину всей жизни Германии, изображенной остро сатирическими чертами.

Брандт был, однако, только предтечей, крупнейшими же представителями германского гуманизма были Эразм Роттердамский, Иоганн Рейхлин и Ульрих фон Гуттен.

Дезидерий Эразм (1467—1536), выходец из голландского города Роттердама, сначала монах, затем странствующий ученый, жил и работал в Италии, Франции, Нидерландах и Англии. Последние годы своей жизни он проводит преимущественно в Швейцарии, в Базеле, где мог спокойно предаваться своей чрезвычайно обширной литературной деятельности. Подобно итальянским гуманистам, Эразм писал исключительно по-латыни и занимался преимущественно филологией.

Но широкую известность доставили ему не эти ученые работы, а злой и умный сатирический трактат «Похвала глупости». Однако как «Похвала глупости», так и другие близкие к ней по содержанию работы, обнаруживая в Эразме ум, наблюдательность и громадную культуру, отнюдь не показывают его как радикального и решительного мыслителя-революционера. Во всех основных вопросах — религии, политики, социальной жизни — Эразм стоит на компромиссных позициях, в чем полностью проявляет свою социальную природу богатого патриция.

Близким по направлению к Эразму был и второй крупнейший германский гуманист, Иоганн Рейхлин, прославившийся своими филологическими работами в области латинского, греческого и, особенно, еврейского языка. Его защита еврейского текста «священного писания» и еврейских богослужебных книг вызвала резкий протест като-

Гравюра на дереве к стихам Лоренцо Медичи

лического духовенства и университетов, являвшихся оплотами схоластики и католического богословия. Загорелась полемика между гуманистами и мракобесами, самым ярким памятником которой является выпущенный группой гуманистов в двух частях сборник «Письма темных людей», написанный от имени якобы самих католических монахов и представлявший собой разрушительную пародию на писания католического лагеря, злую сатиру на весь этот лагерь. В составлении «Писем» принимал участие наиболее смелый из германских гуманистов — Ульрих фон Гуттен (1488—1523).

В противоположность Эразму и Рейхлину, двум представителям городского патрициата, Гуттен — представитель мелкого и среднего рыцарства. Ему нечего терять, и его литературная деятельность, в которой наиболее ясно звучат ноты политического и социального протеста, полностью обнаруживает это. Автор ряда полемических листовок, трактатов, диалогов сначала на латинском, а затем на немецком языке, Гуттен, рано связавшийся с Лютером, выступает против католической церкви и против всего существующего феодального строя, ставя своей задачей, по словам Энгельса, установление «*дворянской демократии с монархом во главе*»¹. Понимая невозможность осуществления социального и политического переворота только силами дворянства, Гуттен выступает с проповедью объединения рыцарства, городского бюргерства и революционного крестьянства, неизбежность восстания которого он предвидел. С этой достаточно утопической программой Гуттен явился вдохновителем неудачного рыцарского восстания 1522 — 1523 гг., неудачу которого он пережил всего на несколько месяцев. О нем, как и о вожде восстания Франце фон Зикингене, можно сказать словами Маркса: «Зикинген... погиб не из-за своего собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего [строя] или, вернее, против новой формы существующего [строя] как *рыцарь* и как *представитель гибнущего класса*»². Гуттен не был наиболее знаменитой фигурой германского гуманизма — слава и влияние Эразма были значительно большими, — но этот писатель, избравший девизом своих произведений слово: «Я осмелился!», являлся наи-

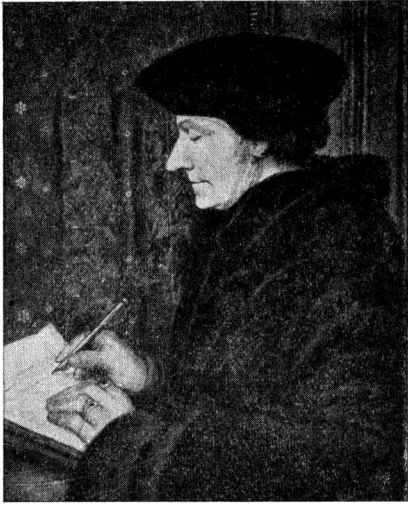
Ульрих фон Гуттен.
Гравюра на дереве 1523 г.

«Корабль дураков».
Гравюра на дереве из одноименного произведения Себастьяна Брандта

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 158.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 251.

Эразм Роттердамский.
Портрет кисти Гольбейна младшего

догматов католической церкви, а в 1521 г. официально объявил о своем разрыве с нею. Отлученный папой от церкви, Лютер благодаря поддержке части германских князей избег преследований как духовной, так и светской власти, и его последователи, число которых росло с исключительной быстротой, образовали, впервые за все средневековье, новую, не согласную с католической, христианскую церковь. Однако Лютер не придал этой церкви ни политически, ни социально радикального характера. Наоборот, обязанный своим спасением князьям и зажиточному патрициату

Лютер. Портрет кисти Луки Кранаха

более яркой и решительной фигурой своей эпохи, которую он характеризовал следующим образом: «науки цветут, умы волнуются, какая радость жить!..»

Немецкий гуманизм оказался теснейшим образом связанным с двумя движениями — с лютеранской Реформацией и великой Крестьянской войной 1525 г. Если первая в лице Мартина Лютера перевела в сферу практической реализации религиозные взгляды буржуазных слоев гуманизма, то вторая, в лице своего вождя Томаса Мюнцера, попыталась довести до логического завершения и применить на практике социальные чаяния наиболее демократических групп.

Мартин Лютер (1483 — 1546), сын зажиточного крестьянина, ставший монахом и профессором богословия, в 1517 г. выступил против некоторых догматов католической церкви, а в 1521 г. официально объявил о своем разрыве с нею. Отлученный папой от церкви, Лютер благодаря поддержке части германских князей избег преследований как духовной, так и светской власти, и его последователи, число которых росло с исключительной быстротой, образовали, впервые за все средневековье, новую, не согласную с католической, христианскую церковь. Однако Лютер не придал этой церкви ни политически, ни социально радикального характера. Наоборот, обязанный своим спасением князьям и зажиточному патрициату городов, он всю вторую половину своей жизни действует в качестве их верного слуги. Он выступает с призывом кровавой борьбы против восставших крестьян, он догматически оформляет свою религию как бюргерскую, мещанскую и начисто отказывается от каких бы то ни было революционных мероприятий. Основное отличие лютеранства, или «протестантизма», от католической религии заключалось в отрицании монашества, разрешении мирянам читать Библию, уничтожении исповеди и индульгенций. Новая церковная организация была объявлена независимой от папского престола, но сохранила свой государственный характер. Пасторы (священники) не выбирались, а назначались консисториями (советами общин верующих), получали содержание от государства и были его верными слугами.

Жалкий, ограниченный характер, который получила в конце концов лютеранская Реформация, позволил Энгельсу назвать ее «национальным

несчастьем» Германии, однако Энгельс в то же время подчеркивал громадное значение для истории культуры того обстоятельства, что реформой Лютера, пусть ограниченной и жалкой, был прорван сомкнутый фронт созданной феодализмом католической системы, были показаны пути выхода из этой системы.

Бюргерскому реформатору Лютеру противостоит плебейский революционер Томас Мюнцер (1498—1525). Прекрасно образованный и обладавший пламенным красноречием, он выступает проповедником в ряде немецких городов, призывая в отличие от Лютера не только к реформе церкви, но и к радикальному преобразованию всего общественного строя в духе примитивного коммунизма. Преследуемый властями и злобными нападениями Лютера, Мюнцер непрерывно переезжает с места на место и ведет среди рудокопов и крестьян революционную пропаганду. В городе Мюльгаузене под его руководством происходит восстание против городского патрициата и устанавливается коммуна, основанная на представлении о христианском равенстве и евангельской общности имущества. Отсюда Мюнцер руководил революционным повстанческим движением всего Саксонско-Тюрингенского района и погиб на этом боевом посту еще до окончательного разгрома крестьян в других районах Германии.

Революционное учение Мюнцера облекалось в привычные для людей того времени религиозные формы. Несомненно, что в этом направлении влияли на Мюнцера его прежние связи с анабаптистами («перекрещенцами») в г. Цвикау — религиозной, полукоммунистической сектой. Основным программным требованием анабаптистов было возвращение к «евангельским временам». В понимании Мюнцера это требование было равносильно требованию установления всеобщего равенства и прекращения эксплуатации человека человеком. В своих воззваниях, речах и прокламациях Мюнцер широко использовал тексты евангелий для подтверждения правильности своего учения, но Христос Мюнцера мог только условно быть назван символом божества, — это был прежде всего человек, да к тому же и революционер, отдавший свою жизнь за освобождение трудящихся и угнетенных. Конечно, это несколько не соответствовало ни исторической правде, ни христианской официальной легенде. Для успеха же того дела, за которое боролся Мюнцер, такая проповедь была очень полезна, потому что она производила на рудокопов, ремесленников и крестьян потрясающее впечатление. Бывали, однако, случаи, когда Мюнцер выступал и без этой религиозной фразеологии, и тогда его воззвания обнаруживали такую остроту революционной мысли, какой не обладали многие выдающиеся представители народных масс последующих веков. В одном из своих воззваний Томас Мюнцер писал: «Посмотрите, главной поддержкой ростовщичества, воровства и грабительства являются наши владыки и князья. Они присвоили себе собственность всех живущих. Они грабят бедных ремесленников и земледельцев, но когда человек берет самую ничтожную вещь, его вешают за это, а доктор Лгун (игра слов: Lügner — «лгун» вместо Luter) приговаривает при этом: «аминь». Эти господа сами восстанавливают против себя бедных людей. Они не хотят

THOMAS MÜNZER,
STOLBERGENSIS, PASTOR ALSTED,
ARCHIFANATICUS, PATRONUS ET CAPITANEUS
SEDITIONOSORUM RUSTICORUM.
DECOLLATUS Anno 1525.

Мюнцер. Гравюра 1525 г.

устранить причин возмущений, и поэтому продолжительное спокойствие невозможно. За эти слова меня называют бунтовщиком — и пусть!»

Поражение, которым закончились крестьянская война 1525 г. и восстания ремесленников в Германии, не лишает их первостепенной роли в развитии культуры. Крестьянские революционные движения и ремесленные восстания не раз имели место и раньше, но никогда еще революционная практика не соединялась со столь развитой революционной теорией, ни об одном герое и мученике революционного движения до Мюнцера нельзя было сказать слов, которыми Энгельс характеризует его деятельность: «Его политическое учение... так же далеко выходило за пределы непосредственно существовавших тогда общественных и политических отношений, как и его теология — за пределы господствовавших в его эпоху представлений. И если религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, то его политическая программа была очень близка к коммунизму...»¹ Движение, возглавленное Мюнцером, проходило под лозунгом: «Кто не работает, пусть не ест!» Оно было затоплено в крови, но напоенное этой кровью красное знамя повстанцев стало с тех пор символом революции, символом борьбы за светлое будущее.

Если Германия, подобно Италии, была страной политически раздробленной, только номинально возглавлявшейся императором, то Франция уже к концу XV в. являлась страной, объединенной под эгидой сильной королевской власти. Этот характер Франции, как государства, определил собой в значительной мере и характер французского гуманизма. Франция довольно рано заимствовала из Италии новый комплекс идей, новую идеологическую систему; однако эта новая система, оказываясь в первую очередь под контролем королевского двора, теряет остроту антифеодальной направленности, которая отличала ее в Италии, и не приобретает религиозного или социального пафоса, которыми был столь ярко окрашен гуманизм немецкий. Зато французское Возрождение сильнее подчеркивает элементы рационализма, разумного, рассудочного построения жизненного идеала, сопровождаемого свойственным всему Возрождению жестоким осмеянием всего неразумного, традиционного, устарелого. Оно сохраняет преклонение перед античностью, но это преклонение как бы отходит на второй план перед основной чертой французского Возрождения — его национальной направленностью. Во французском королевстве, больше чем в какой-нибудь другой стране Западной Европы, были к концу XV в. налицо все те черты, которые товарищ Сталин называет как определяющие нацию². Естественно поэтому, что новое идеологическое течение ставится на службу делу окончательного оформления нации, выработки национального самосознания. Недаром подавляющее большинство французских гуманистов пишет на народном, а не на латинском языке, недаром одним из наиболее ярких и симптоматических произведений нового направления является трактат поэта и теоретика Иоахима дю Беллэ «Защита и прославление французского языка».

Вольнодумный, рационалистический и сатирический характер французского Возрождения нашел своего пророка и первого мученика в лице Этьена Долэ. Воспитанник университетов Парижа и Падуи, он посвятил свою короткую, но бурную жизнь пропаганде новых идей, которую он доводил до весьма решительных и радикальных выводов. Филолог, переводчик, агитатор, типограф, он активно участвует в стачке лионских

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 138.

² Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 11, 1939 г.: «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».

рабочих 1536 г. и в философско-богословских вопросах проповедует откровенный атеизм. По выражению Кальвина, Долэ и его единомышленники считают, что «человеческая душа ничем не отличается от душ собак и поросят». В 1546 г. смелый агитатор и мыслитель погиб на костре.

Близким по духу к Долэ был поэт и новеллист Бонавентура дю Перрье, преследованиями доведенный до самоубийства (1544), и, отчасти, Лефевр д'Этапль, мыслитель значительно более умеренных взглядов, соединивший рационализм с религиозностью. Лефевр опубликовал переводы на французский язык Нового и Ветхого завета и пытался еще до Лютера добиться перестройки всей системы католической религии.

Наиболее крупным представителем французского реформационного движения был вышедший из кружка Лефевра Жан Кальвин. Вынужденный бежать из Франции, Кальвин в 1536 г. публикует свое основное сочинение «Об учреждении христианской религии», а в 1541 г. становится фактическим диктатором в богатом швейцарском городе Женеве. С этого времени Женева делается центром распространения новой религии, получившей по имени ее основателя название «кальвинизма» и сыгравшей громадную роль во всем дальнейшем развитии не только идеологической, но и политической жизни Европы. Основным стержнем нового учения Кальвина был тезис о предопределении, согласно которому бог заранее обрекает человека на вечное спасение или вечную гибель. Так как человек не знает, какую судьбу ему приготовил бог, он должен вести строгую, богоугодную жизнь, надеясь на то, что имя его занесено в число божьих избранных. Кальвин проповедовал отказ от светских удовольствий, ханжеский аскетизм, бережливость, деловую решительность, постоянный труд и т. д.

Кальвинизм целиком соответствовал идеологическим устремлениям и сокровенным чаяниям буржуа эпохи первоначального накопления. Из Швейцарии новое учение переключалось в наиболее развитую в то время страну раннего капитализма — Нидерланды, а оттуда в Англию. Здесь оно породило пуританство (пуритане — «чистые»). Догма Кальвина, по словам Энгельса, «отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии»¹, и этим объясняется то обстоятельство, что кальвинизм (и его разновидности) становятся господствующей религией буржуазии во время Нидерландской и Английской буржуазных революций. Во Франции развитие кальвинизма привело во второй половине XVI в. к кровопролитной гражданской войне («религиозные войны 1562—1595»). Французские кальвинисты, или гугеноты, несмотря на тяжелые потери (грандиозные избиения гугенотов в Париже накануне дня св. Варфоломея, так называемая «Варфоломеевская ночь» 1572 г.), добились права свободного вероисповедания, но господствующей государственной религией во Франции так и остался католицизм.

Для национальной культуры Франции большее значение, чем кальвинизм, имело направление, хотя и выросшее из близких кальвинизму идейных корней, но более светское и нашедшее выражение главным образом в художественной литературе. Яркими представителями этого направления являются поэт Клеман Маро и прозаик Франсуа Рабле. Клеман Маро начал свою политическую деятельность в первой половине XVI в. и скоро примкнул к реформационному движению. По доносу любовницы короля Дианы Пуатье Маро попадает в тюрьму инквизиции, бежит и последние годы проводит в скитаниях, в поисках пропитания и приюта. Поэзия Маро — ясная, ироническая, жизнерадостная — стоит на пере-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 297.

пути между средневековьем и Возрождением, от которого она заимствует довольно поверхностный налет античной фразеологии, но зато трезвый подход к вопросам религии и здоровый скепсис.

Если Маро еще во многом связан со средневековьем, то его современник Франсуа Раблэ (ум. ок. 1553 г.) уже начисто с ним порывает. Основным, единственным крупным произведением Раблэ является роман «Гаргантюа и Пантагрюэль», чрезвычайно скоро завоевавший широчайшую известность как произведение, наиболее полно отражающее идеологические устремления Возрождения. Написанный подчеркнуто народным, иногда грубым языком, сознательно примыкая по своему сюжету и построению к весьма распространенным в позднее средневековье устным рассказам о чудесных похождениях разного рода великанов и волшебников, роман является исключительной по меткости и силе сатирой на все средневековое, яркой и убежденной проповедью построения нового, буржуазного общества. Такие эпизоды романа, как описание идеального общества в духе Возрождения, Телемского аббатства или совет оракула «божественной бутылки», высмеивающие религиозные верования всех толков и призывающие изучать природу, могут быть названы литературными манифестами Возрождения.

Продолжателями дела Маро являются крупнейший французский поэт эпохи Ронсар и созданная им школа, получившая название «Плеяды». Пьер Ронсар выступает как поэт подчеркнуто национальный, ставящий своей задачей привить французской поэзии совершенство поэзии греческой и римской, а французскому языку — гибкость и звучность греческого и латинского языков.

В Испании и Англии Возрождение достигло полного расцвета несколько позже, чем в Германии и Франции, — только во второй половине XVI и в начале XVII в. Однако Англия уже в начале XVI в. выдвинула одного крупнейшего представителя гуманизма — Томаса Мора. Мор, выходец из аристократической среды, получил юридическое образование, связанное с прекрасным, чисто гуманистическим усвоением античной литературы. Рано вступив на путь политической деятельности, он быстро выдвинулся на ведущие государственные посты. Однако конфликт с королем из-за Реформации, которую Мор решительно отказывается признать, лишает его сначала положения, а затем и жизни. Мор отнюдь не был правоверным сыном католической церкви, хотя внешне и могло казаться, что он взмошел на эшафот за свою приверженность к католицизму. Вышедший первым изданием в 1516 г. латинский диалог Мора «Утопия» является самым смелым из всех созданных гуманизмом сочинений. Выступая в этом диалоге с резкой критикой современной ему Англии, Мор считает, что причиной отмечаемых им недостатков является порочная основа самого общества. «Везде, где существует право собственности», — пишет Мор, — где все измеряется на деньги, о справедливости и общественном благополучии не может быть и речи. «Можешь ли ты допустить, что самые драгоценные сокровища находятся в руках недостойных, и можно ли назвать вполне счастливым такое государство, где общественное достояние служит добычей в руках горсти людей, ненасытных в наслаждениях, между тем как масса гибнет от нищеты?» Исходя из такой общей оценки роли собственности, Мор строит идеальное коммунистическое общество, помещая его на вымышленном острове «Утопия» (от греческого слова «нигде»). Многое в социальной фантазии английского гуманиста наивно, но смелая попытка дать схему коммунистического общества в условиях XVI в. является замечательной, открывающей длинную цепь произведений, получивших позже наименование «утопических». Произведения эти, как не раз подчеркивалось классиками марксизма, сыграли громадную роль в формировании идеологии трудящихся масс,

в первую очередь зарождающегося пролетариата, подготовили почву для выработки идей научного социализма, предшественником которого они были. В этом громадная историческая роль «Утопии» Томаса Мора.

§ 3

Искусство Ренессанса, его виднейшие представители в Италии. Трактат о человеческом теле и индивидуального характера. Монументальная скульптура. Портрет и мастера портретной живописи. Появление искусства пейзажа. Светский характер искусства и трактовка религиозной тематики в эпоху Возрождения. Рационализм и принцип расчета в архитектуре, живописи и скульптуре. Развитие музыкальных инструментов. Новые музыкальные формы. Нотопечатание. Мейстерзингеры. Музыкальные школы. Развитие контрапункта. Протестантский хорал. Палестрина. Развитие гармонического творчества. Хроматические искания. Венецианская школа. Увлечение античностью и ее влияние на искусство Возрождения.

В период Возрождения искусство занимает в жизни общества большое место. Уже по тому, как много вкуса вкладывали тогда в оформление общественной жизни, например в празднества, в быт, и особенно в костюм, можно судить о художественном уровне людей этой эпохи.

Искусство XIV—XVI вв., как и вся культура этих столетий, оформляя идеологию ранней западноевропейской буржуазии, поднимающейся к господству, является тем самым исторической антитезой искусству раннего средневековья — художественной культуре феодального мира. Если в период раннего средневековья мы, за редким исключением, не находим отдельных имен художников, создававших архитектурные, скульптурные и живописные произведения, то едва только мы вступаем в преддверие Ренессанса, как сразу же сталкиваемся с большим числом имен, каждое из которых имеет индивидуальный характер. XV век дает целую плеяду выдающихся мастеров во всех областях художественного творчества и к концу столетия выдвигает на историческую арену величайших гениев в истории западноевропейского искусства. Донателло, Леон Баттиста Альберти, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Браманте, Тициан, Микель Анджело — в Италии, Ян ван-Эйк и Питер Брейгель Старший — в Нидерландах, Альбрехт Дюрер — в Германии — вот список имен, лишь самых крупных, имеющих мировое значение.

Остановимся вкратце на чертах, характеризующих творчество некоторых из этих «гигантов учености, духа и характера»¹, как называет их Энгельс.

Донателло — величайший скульптор Ренессанса и изобретатель, был всегда связан с той демократической средой, из которой он вышел, и жил интересами этой среды. Его можно было видеть на улицах Флоренции в кожаном фартуке и деревянных башмаках, стучавших по каменным плитам флорентийских мостовых. Современники свидетельствуют о том, что Донателло отличался исключительным бескорыстием. У себя в мастерской он повесил под потолком корзину, в которую складывал все заработанные им деньги с тем, чтобы каждый из его учеников мог, в случае нужды, воспользоваться этими деньгами. Это был независимый и суровый человек. Правитель Флоренции Козимо Медичи, желая снискать симпатии Донателло, послал ему в подарок богатые одежды и затем отвел кусок земли с виноградником. Донателло отклонил оба дара, мотивируя это тем, что богатые одежды могут его развратить, а с виноградником он обращаться не умеет, потому что его профессия — скульптура, и предложил отдать землю соседу крестьянину.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 416.